

Чудо-зерно

Василий Терентьевич поднялся из-за стола, прошел в лабораторию. Вернулся он с небольшой фанерной плоской коробочкой. У нее была небольшая ручка, что придавало ей сходство с теннисной ракеткой. Когда он перевернул ее, под остекленным верхом блеснули янтарем пшеничные зерна. Коробочка разделена по диагонали на четыре равных треугольника. Цвет пшеничных зерен в каждом из них разный: в треугольничке под цифрой один — темно-красные, с матовой, словно отполированной поверхностью, во втором — зерна более тусклые, в третьем — еще светлее, а в четвертом — совсем бледные.

— Так выглядит наша ставропольская пшеница. Вот эта, — Василий Терентьевич показал на треугольничек под цифрой один, — не уступит лучшим мировым образцам. Здесь похуже, а последняя, пожалуй, годна только на корм скоту.

С Василием Терентьевичем Чумаковым, начальником зональной государственной хлебной инспекции, я познакомился несколько лет назад. После этого мне часто приходилось бывать у него. И каждый раз я восхищался его обширными познаниями в хлеборобских делах. Наши разговоры в основном велись о сильных пшеницах.

— Это же наша слава, гордость. А сколько ее сдаем — говорить стыдно, — кипятился Василий Терентьевич.

А возмущался он не только потому, что возглавляет учреждение, которое стоит на страже качества продукции. В нем говорило чувство истого земледельца, человека, хорошо знающего цену хлеба.

Хлеб... Велико уважение человека к нему. Каждому из нас на всю жизнь, вероятно, запомнились слова, услышанные еще в детстве от наших матерей:



— Не кроши — это же хлеб!

Ни одна крестьянка, ни один настоящий хлебороб не выбросит после обеда оставшиеся куски, а бережно сложит их.

Хлеб человеку дает удивительное растение — пшеница. Люди не помнят, когда она появилась. Во тьме веков осталось и имя того, кто первым сознательно бросил в землю ее чудо-зерно. А сейчас под ее посевами в мире ежегодно занимается одна пятая обрабатываемой площади!

Пшеничным краем стало и наше Ставрополье. Появилась она в здешних местах тоже много веков назад. Но быстрый рост зернового хозяйства начался в прошлом веке. К концу его Ставрополье уже становится одним из ведущих поставщиков зерна в России.

Но что же это за сильная пшеница, которая ценится на вес золота? Чудо-зерно, брошенное когда-то в землю неизвестным земледельцем, дало удивительное потомство. Сейчас в мире насчитывается несколько тысяч сортов пшениц.

Только у нас в стране, например, районировано их свыше 230. Но не все они равноценны. Пшеницу человек возделывает прежде всего потому, что ее зерно содержит белок. А он — проблема нашей планеты. Природа, обеспечив человечество в изобилии углеводами, несправедливо обошла его в белке — основе жизни.

Ясно, что наибольшую ценность представляют те пшеницы, которые наряду с урожайностью отличаются более высоким содержанием белка. Хлеб, выпеченный из муки таких пшениц, имеет наибольшую питательную ценность. Но дело тут не только в этом. Содержащиеся в пшенице белки — глиадин и глютен — обладают

способностью с водой образовывать упругий эластичный студень — клейковину. А от ее количества и качества зависит в конечном счете качество хлеба. Если ее в муке мало, то хлеб получается сырой, тяжелый.

Сильная пшеница как раз и отличается повышенным содержанием белка и клейковины. Мука, полученная из ее зерна, обладает прекрасными хлебопекарными качествами. Хлеб из нее получается вкусный, пышный, ароматный. Но ценность ее еще и в том, что она является «улучшателем»: будучи примешанной к малоценной (20— 25 процентов), она резко повышает ее «силу», и хлеб приобретает нужные качества.

Получить «сильное» зерно можно не везде. В этом играет роль не только сорт, но и климат, почва, агротехника. В странах с влажным, холодным климатом, да и на большинстве территории нашей страны, сильная пшеница не удастся.

В зерне сильной пшеницы должно быть не менее 14 процентов белка, 28 процентов клейковины, ее качество относится к первой группе, зерно имеет определенную окраску и т. д. Если даже высеян сорт, относящийся к сильным пшеницам, при неблагоприятных условиях (дождливое, холодное лето, недостаток в почве азота и т. п.) зерно не будет отвечать нужным требованиям. Например, в Японии, странах, расположенных на севере Европы, в выращиваемых пшеницах процент белка не превышает 11—12, при мировом стандарте — 13 процентов (в наших русских пшеницах белка порой содержится более 20 процентов).

Чтобы получить из этих пшениц хороший хлеб, в полученную из них муку приходится добавлять муку от сильных пшениц. Последние же, как говорилось выше, выращиваются только в определенных климатических зонах, у нас в стране — на юге Украины, в Поволжье, Северном Кавказе, т. е. там, где сухой степной климат. Потому-то потребность в зерне сильных пшениц на мировом рынке огромная.

На Ставрополье для получения «сильного» зерна условия исключительные: богатые азотом почвы, много солнца, тепла. Поэтому не удивительно, что наша пшеница всегда отличалась высоким качеством. Особенно хорошее зерно получали в степных районах. Старожилы-прикумчане до сих пор вспоминают местный сорт «буйволинку», который давал темно-красное крупное зерно. На ссыпках хлеботорговца Кащенко, как свидетельствуют они, за нее платили на пять копеек за пуд дороже. Такая пшеница легко находила покупателей не только внутри страны, но и за ее пределами.

И после революции наш край долгие годы по-прежнему был в стране одним из основных поставщиков «сильной» пшеницы. Но потом эта слава стала меркнуть, а затем погасла совсем. С 1954 по 1964 год, например, колхозы и совхозы края продали государству всего несколько десятков тысяч тонн. И это в то время, когда почти вся площадь засеивалась сильными сортами — «безостой-1», «приазовской» и «одесской-16» (последняя сейчас снята с районирования).

Почему же так случилось? Сказались, конечно, прежде всего, последствия фашистской оккупации: ухудшилась агротехника, хозяйства лишились высокосортных семян, возросло повреждение зерна вредителями. Второй удар был нанесен внедрением так называемой пропашной системы земледелия. Но главная причина все же заключалась в том, что было ослаблено внимание к производству сильных пшениц. Бывало, приедешь в хозяйство, интересуешься, продают ли сильную пшеницу, а в ответ слышишь от специалистов:

— Как же, мы получаем 10-процентную надбавку...

Оказывается, многие агрономы смутно представляли, что это за штука — «сильное» зерно, и удовлетворялись обычной сортовой надбавкой.

Но хуже было то, что такое положение мало кого волновало. Бытовало

мнение, что в сложившихся условиях (отсутствие севооборотов, паров, трав) практически трудно что сделать для увеличения сдачи сильных пшениц. Это была большая ошибка. Сильное зерно хозяйства производили. В отдельных партиях, поступавших на хлебоприемные пункты, натура его (вес литра зерна) достигала 800 и более граммов, содержание сырой клейковины доходило до 35 и более процентов, а сила муки — 400—500 эргов. Не выдерживало оно требований стандарта обычно по одному-двум признакам, чаще всего по качеству клейковины. И такое зерно шло как рядовое. Теряли на этом страна и хозяйства.

Естественно, что такое положение не могло не обеспокоить хлеборобов края. В январе 1965 года в «Ставропольской правде» выступил со статьей «Почему сильные пшеницы стали бессильными» агроном А. Миронов. Она вызвала живой отклик. На страницах газеты завязался разговор об увеличении производства сильного зерна. Со своими предложениями, советами выступали специалисты колхозов и совхозов, ученые края. И это сказалось сразу же на положении дел. Уже в том же году сдача высококачественного зерна резко возросла. Его было заготовлено более 10 тысяч тонн — столько, сколько хозяйства края продали за предыдущие 10 лет. Это был определенный сдвиг. Но, как и в прошлые годы, организации производства и сдачи сильного зерна еще многое мешало. И жизнь потребовала принятия конкретных мер. В декабре 1965 года для обсуждения поднятого газетой вопроса краевое управление сельского хозяйства созвало совещание специалистов и ученых. Помню, с какой горячей заинтересованностью говорили на нем его участники. Вот слово взял заведующий отделом селекции Восточной опытной станции, кандидат сельскохозяйственных наук Глеб Ианиканович Петров. Под его руководством была проделана огромная работа по исследованию сильных пшениц. Ученый убедительно доказывал,

что край может производить и сдавать сильную пшеницу.

— Даже сейчас, когда не ведется целенаправленной работы, хозяйства получают ее, но беда в том, что она обезличивается, теряется в общей массе. До каких же пор будем так бесхозяйственно относиться к сильной пшенице, ведь это же золото?— спрашивал он.

Запомнилось и выступление главного агронома колхоза «Дружба» Новоалександровского района В. С. Акулинина.

— Производство сильного зерна не такое уж недоступное дело, как это кое-кому кажется. Надо только по-настоящему взяться за это, — говорил он.

Участники совещания тогда пришли к одному мнению: край имеет возможность и должен возродить славу производителя сильных пшениц. И они не ошиблись. Уже 1966 год показал, что возможности огромные. В ту осень ставропольские хлеборобы дали Родине более 56 тысяч тонн зерна, отвечавшего требованиям стандарта. Это был заметный успех. Характерно, что продавали сильную пшеницу не единичные хозяйства, а поступала она почти из всех зон края. Сказалась проведенная организаторская работа. В колхозах и совхозах были учтены все площади посевов, на которых возможно получение сильного зерна. Это прежде всего массивы, на которых пшеница была посеяна по парам, после гороха, зернобобовых смесей или кукурузы на силос. Посевы были взяты под наблюдение, осенью и весной их хорошо подкормили минеральными удобрениями.

Немалая работа была осуществлена по подготовке кадров. Зональным управлением государственной хлебной инспекции совместно с краевой контрольно-семенной лабораторией обучено 286 агрономов-апробаторов — по одному на хозяйство. Были проведены семинары с агрономами-семеноводами, заведующими контрольно-семенными лабораториями, работниками

хлебоприемных пунктов.

По-иному стали относиться к этому важному делу в колхозах и совхозах. Приведу такой пример. Колхоз «Безопасненский» Изобильненского района раньше никогда сильного зерна не сдавал. А в 1966 году продал 2395 тонн, получив сорокапроцентную надбавку в сумме 68978 рублей.

Чтобы продать столько сильного зерна, колхозники и специалисты немало потрудились. Работу начали с осени. Все участки, где пшеница размещалась по гороху, кукурузе на силос и другим лучшим предшественникам, взяли на учет. На эти поля внесли повышенные дозы удобрений, провели борьбу с клопом-черепашкой (его повреждения приводят к снижению качества клейковины в зерне).

Но вот в колхозе узнали, что краснодарцы в период колошения дают пшенице еще внекорневую подкормку азотом. Председатель правления Василий Иванович Яровенко едет на Кубань, знакомится там с этим агроприемом, а вернувшись, организует подкормку посевов синтетической мочевиной и плавом. На этих обработанных участках зерно уродилось темно-красного цвета, увеличился в нем процент клейковины, улучшилось ее качество, да и урожайность несколько возросла.

— Правда, получить сильного зерна столько, сколько намечали, нам тогда не удалось, подвела погода,— рассказывал Василий Иванович Яровенко. — Да и сами кое в чем оплошали. Но главного добились — приобрели опыт, у людей появилась вера в свои силы и возможности.

Здесь впервые в крае правление разработало и меры материального поощрения колхозников за получение сильной пшеницы. По примеру безопасненцев материально стали заинтересовывать в увеличении производства сильных пшениц и в других колхозах.

1967 год был на редкость дождливым. Погода мешала хозяйствам выделять партии сильных пшениц. Но,

несмотря на неблагоприятные условия, все же общая сдача ее достигла 26 тысяч тонн.

...Этот простейший прибор, как мы его называем — эталон, — Василий Терентьевич положил его на стол, — позволяет специалистам быстро ориентироваться в качестве зерна при формировании партий сильных пшениц. Такими эталонами сейчас обеспечены все хозяйства края.

Василий Терентьевич на этот раз о заготовках сильных пшениц говорил уже более оптимистично: ведь край в 1968 году продал ее почти 90 тысяч тонн. Много, за что он выступал раньше, уже осуществлено. В частности, например, утверждены более выгодные для хозяйства новые условия приема, оценки и оплаты зерна сильных пшениц. Краевое управление сельского хозяйства разработало меры материального поощрения. Проведена большая организаторская работа, подготовлены необходимые кадры.

— Сделано, конечно, много, но...— Василий Терентьевич помолчал, а затем добавил: — А все-таки наш край по заготовкам сильных пшениц пока остается на задворках.

К сожалению, пока это так и есть. Правда, за последние четыре года общая сдача сильной пшеницы достигла 180 тысяч тонн. Будто бы неплохо. Но ведь у нас засеваются сильными сортами более полутора миллионов гектаров. Причем сейчас резко возросла культура земледелия, в большинстве хозяйств освоены севообороты, наведен порядок в чередовании культур, озимую пшеницу высевают только по лучшим предшественникам, почву готовят в основном по типу полупара. И, что особенно важно, более 200 тысяч гектаров пшеницы уже размещается по парам. Продажа же сильного зерна составляет от общей его сдачи всего каких-то 2,5 процента! Капля в море!

Зерна, отвечающего стандарту сильного, конечно, выращивается в десятки, а может, и сотни раз больше. В 1966 году, например, по пред-

варительным анализом, проведенным зональной государственной хлебной инспекцией перед уборкой, общие возможности края по сдаче сильного зерна определялись в 600 тысяч тонн. Заготовлена же была всего десятая часть! Остальное высококачественное зерно ушло как рядовое. Колхозы и совхозы потеряли на этом миллионы рублей, а страна лишилась зерна, за которое за рубежом платят золотом.

Почему же так получается? Да потому, что это дело пока все же пущено на самотек. Сейчас продажа сильных пшениц ни хозяйствам, ни районам не планируется. Поэтому руководители знают, что за нее никто с них не спросит, не потребует отчета. Заготовками сильного зерна обычно интересуются только работники хлебной инспекции да колхозные и совхозные энтузиасты.

В краевом, да и районных управлениях сельского хозяйства нет ответственных за заготовки сильных пшениц. Это поручается в основном или агрономам-семеноводам, или заведующим контрольно-семенными лабораториями, у которых других дел по горло.

В свое время выдвигалось предложение создать краевой совет по сильным пшеницам, который вел бы методическую и организаторскую работу. Но, к сожалению, оно не было принято.

Нет в крае и единого научного центра по исследованию сильных пшениц. Этим занимаются ученые в одиночку, часто при отсутствии необходимого лабораторного оборудования. А дел для ученых много: например, необходимо было бы разработать рекомендации по возделыванию сильных пшениц, но их составлением заняться некому. Не выяснен вопрос, можно ли и как получать высококачественное зерно в условиях полива.

Ждет большая работа и по внедрению новых сильных сортов. На наш взгляд, кажется, что было бы полезно возродить некоторые старые местные сорта, которые давали прекрасное зерно,

и повести с ними работу. Ведь лучшие сильные сорта пшеницы в Канаде и США выведены на основе именно тех, что вывезены из нашей страны.

Все эти вопросы давно уже назрели. И как бы там ни было, но рано или поздно заняться ими придется! Ведь наш край в какой-то мере уникальный для получения сильных пшениц. Мы не можем, не имеем права на своих благодатных землях выращивать плохое зерно. Этого не должна позволять хлебоброшская гордость.

Но дело не только в этом. Сильные пшеницы — это золотые россыпи. Ведь государство за каждый центнер их платит в полуторном размере. Представьте себе: если бы из 100 миллионов пудов пшеницы, продаваемых государству, половина ее сдавалась как сильная, то, пожалуй, богаче нашего края в стране не было бы. Экономика хозяйств поднялась бы на невиданную высоту.

Хлеборобы Ставрополя в любых трудных условиях выходили победителями. Можно думать, что и в этом деле они будут на высоте. Сильная пшеница потечет в государственные закрома золотой рекой.

Н. Сладников.
Агроном.